

УДК 82.09(479.24):81'38

Флора Камран кызы Намазова,
кандидат филологических наук, доцент
(Институт Языкознания Национальной Академии Наук Азербайджана)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОТТЕНКИ СЛОВ В ДРАМАТУРГИИ ИЛЬЯСА ЭФЕНДИЕВА

Исследование показывает, что основное своеобразие семантической функциональности художественного слова в драмах И. Эфендиева бескрайно и разнообразно. Автор верно отмечает, что построенные им диалоги предназначены не только для описания жизни, но и для раскрытия скрытых, потенциальных и эмоциональных мыслей подтекста. Выяснено, что в драматургии И. Эфендиева подтекст развивается в так называемом "аллюзивном" диалоге.

Ключевые слова: семантическая функциональность, подтекстовые значения, драматические произведения, слова.

Постановка проблемы. Ильяс Эфендиев был одним из выдающихся представителей азербайджанской литературы XX столетия, признанным профессионалом в области прозы и драматургии. Его многочисленные рассказы, повести и романы, а также драмы исторической и современной тематики принадлежат к числу любимых и читаемых произведений национальной литературы.

Целью статьи – анализ стилистических оттенков слов в драматургии Ильяса Эфендиева.

Изложение основного материала. Новаторство драматургии И. Эфендиева и в идейно-тематическом, и в художественном отношении изучалось многократно и основательно. Накоплен большой научный опыт в истолковании идейно-художественной природы эфендиевской драмы в характеристике новой поэтики драматурга: строения диалога, специфики ремарок, своеобразия символики и т. д. Анализируются и такие языковые черты, как афористичность, многозначность слова.

Язык и стиль писателя важны для исследователя-стилиста, прежде всего, с точки зрения изучения принципов индивидуально-специфического характера использования средств языка в творчестве автора, с точки зрения того неповторимого, что они вносят в языковой материал [1: 3].

Вопрос о единицах стилового исследования языка писателя – один из самых существенных методологических вопросов стилистики художественной литературы. В языке прозы это такие категории, как способы выражения образа автора, сказ, принципы построения речи персонажей, приемы и методы сочетания речи персонажей с авторским повествованием и т. д. Драматургическое произведение с прозаическим произведением роднит основную категорию стиля – речевые партии героев.

В языке драмы И. Эфендиева слова, выражения, целые конструкции приобретают новые оттенки значения, определенную стилистическую окраску. Здесь видоизменение языковых единиц и средств обуславливается индивидуальным мастерством творческой личности.

Семантика слова в драме обусловлена, с одной стороны, спецификой диалогической формы речи, взаимодействием с окружающими высказываниями-репликами, с другой, психологической природой героя, независимо от условий общения.

Ряд закономерностей семантики предопределен эстетической природой слова – его связью с большим контекстом, композицией лексических единиц в пределах произведения, архитектурной функцией слова в значительных диалогических отрезках, сценах, целой пьесе. Семантика слова в драматическом произведении связана и со структурными особенностями диалога и, прежде всего, с лексико-семантической соотнесенностью реплик.

Драма И. Эфендиева типизирует лексико-грамматические черты диалога. При этом художественное воспроизведение диалога не приводит к искажению подлинно речевых законов. Оно выражается лишь в отборе и акцентировании писателем тех особенностей, которые соответствуют авторским задачам [2: 79].

Итак, свобода семантических превращений в разговорной речи, лексико-семантическая соотнесенность соседних высказываний и возможность разного осмысления слова в соответствии с социально-психологическим обликом говорящих – это черты диалогической структуры и разговорной речи, претерпевающие эстетическое преломление в драме как в жанре.

Законы диалогического речеведения и законы жанровой семантики слова – это та объективная основа, на которой вырастает эстетическая роль значения слова в контексте драмы.

Выдвигая использование семантики слова как стилообразующую категорию драмы, мы имеем в виду не просто участие слова в передаче известного мыслительного содержания речи персонажа, но его особую художественную функцию в контексте диалога, которая основана на специальном стиловом акцентировании семантических возможностей слова, его экспрессивно-смысловых связей и отношений с другими элементами лексической системы.

В формах диалогических связей и отношений речи персонажей, в динамике смысловых превращений проявляется своеобразие художественных систем писателей.

Двуплановое осмысление одного и того же слова лежит на основе стилистического приема каламбура, служащего предметом изучения многих исследователей. Например, слово *daldalanmaq* "укрыться, припрятать, заслонить, скрыть за собой в знач. *yaşamaq* "жить, существовать; обитать":

Сеид Гусейн: Muradalının balaca mənzilində daldalanıram, Xan həzrətləri [3: 100] / *Живу* (букв. *укрываюсь*) в маленьком доме Мурадали, Ваше высочество).

Развитие значения слова *yük* "груз":

Сеид Гусейн: Dünyanın yükünü çiyinlərinə daşıyan zəhmətkeş insanlar var! [3: 13] / *Есть* трудяги, которые *все* носят на своих плечах (букв. *груз всего мира*).

Каламбур связан с изучаемым нами стилистическим приемом смысловой двуплановости слова, однако он не только не тождественен ему, но входит лишь незначительной составной частью в анализируемую категорию стиля. При всех более сложных и существенных функциях, чем простая забава и словесная игра, каламбур всегда имеет целью выразить шутовское, ироническое, сатирическое отношение автора к высказываемому, к адресату, к ситуации и т. д. Если же в контексте нет такой направленности, а следовательно, нет и установки на игру словом, то нельзя говорить о каламбуре.

Художественные функции двусмысленности слова в диалоге И. Эфендиева вносят в традицию этого приема много нового. Специфичны для Эфендиева и формы диалогического использования семантики: омонимия, метафорические переосмысления, разложение фразеологизмов, этимологизирование на основе реальных связей слов, многообразие окказиональных значений.

Гулу: Yüz dəfə Alxan daşı deyib ki, ərin dura dura sən böyürdən at salma! (Дядя Алхан сто раз говорил, когда есть муж – *надо молчать!* (букв. *не води рядом коня*)).

Нарынгуль: Nə qədər ki, uxaımız sənün kimi keflinin əlindədir, at da salacağam, qatır da... [3: 195] / *Покуда* мы не *избавимся от* такого пьяницы как ты, я не буду молчать (букв. *Покуда наш ворот в руках* такого пьяницы как ты, я и коня, и мула *рядом поведу*)).

Лаконизм и концентрированность диалогов драм придают словам особый динамизм семантической двойственности слова. Энергичное течение речи, скрещение кратких и отточенных реплик в словесном поединке делают особенно ощутимым их синтаксическое строение, создают семантико-синтаксическую разнотипность высказываний. Эта динамика и лаконизм диалога И. Эфендиева противостоят замедленности спокойно-эпического течения речи в пьесах Д. Джаббарлы, где эффекты семантики слова как бы растворяются в разговорных репликах героев, часто организованных монологически многословно.

Афоризм естественно вытекает из драматического действия и характера. Лексически это проявляется в том, что в структуре диалога слово (или его однокоренное образование) проходит связующей нитью. Афоризм у И. Эфендиева – это часто ответ на реплику в диалоге, который естественно, органически соотнесен с предыдущей репликой, но вместе с тем столь лаконичен и оригинален, что мог бы возникнуть и вне контекста, и столь самостоятелен, что может быть применен к множеству иных ситуаций.

В контексте диалога ответная реплика часто строится как афористическое выражение, передающее суждение в образной форме. Толчком к такому образному обобщению служит реальный факт, реальная деталь, о которой шла речь ранее. Иносказание это может существовать как афоризм и вне контекста, но только в реальном контексте диалога и драмы оно получает всю глубину и многогранность смысла. Например:

Хосров Атаев: Bu daşın haradan atıldığını bilirəm. Sən Reyhanın sözlərinə çox da əhəmiyyət vermə. Özün bilirən ki, ögey ana ilə övladın ulduzu çətin bərişir [4: 252] / *Я* знаю, откуда этот камень в мой огород, ты не очень-то придавай значение словам Рейхан. Сам знаешь, что (букв. *звезды мачехи и пасынка трудно мирятся*) мачехи трудно уживаются с пасынками.

Агасалим: Qəsd qoysun da. Ondan nə gedir? Nə nə getsə, bizdən gedəcək [4: 254] / *букв.* Пусть попытается. Что от него убывает? Если что и убывает – от нас убывает.

Дильшад ханум: Siz çox "mən-mən" deməyin, dəvədən böyük fil var [4: 258] / *букв.* Вы очень много говорите "я – я", но слон крупнее верблюда.

Ильдрым: Cəsarət mərdlik deməkdir! [4: 252] / Мужество – есть *великодушие* (букв. *мужество означает отвагу*)).

Садыгов: İnsanın ən güclü müdafiə vasitəsi cəsarətdir! [4: 272] / Самое сильное средство обороны человека – храбрость!

Ильдрым: Mənim gətim bir dəfə daşa toxunub [4: 274] / Однажды мой корабль *разбился о рифы* (букв. *коснулся камня*)).

Шахсуваров: Çunki bu əhvalatı indi bütün şəhər danışır...Ona görə də xışı dərinədən götürmək lazımdır [4: 276] / Потому что об этом событии судачит весь город... Поэтому надо *копать глубже* (букв. *сохой брать глубже*)).

Забута: Bizim başıkuşlu Ağasəlimi deyirəm də. Qızılı ayağının altına töksən, gözünün quyruğu ilə baxmaz!.. [4: 280]. / *Я* говорю о нашем *проклятом* (букв. *пепел на его голову*) Агасалиме. Насыпь ему под ноги золота, а он и *глазом не поведет* (букв. *уголком глаза не посмотрит*)).

Садыгов: Yıxılana gülməzlər, Reyhan xanım!.. / Над упавшим не смеются, Рейхан ханум).

Рейхан: Nə üçün uxlılırsınız, sizin ki, əliniz böyüklər ətəyindədir... [4: 284] / Зачем вы падаете, вы же всегда под покровительством. (букв. *держитесь за подола старших*).

Мехриджан: Kədər – məğlubiyyət əlamətidir [3: 286] / Грусть – признак поражения.

Ханмурад: Ancaq bir məsəl var, deyirlər: "Təzə ay çıxanda köhnəsini doğrayıb ulduz edərlər" [4: 174]. / Но есть одна пословица. Говорят: "Когда появляется новая луна, то старую не жалуют (букв. *разрезают на звезды*)".

Диалоги эти имеют как бы два уровня подтекста: один – связанный с сюжетным движением пьесы, с внешними драматургическими событиями, и другой – синтетически-обобщенный, философски-социальный. Диалоги с подтекстом выполняют важную архитектурную роль, служат вершинами композиции актов.

В драматическом диалоге представляется целесообразным различать два вида смысловой и эмоциональной двуплановости (подтекста): объективно-композиционный и субъективно-психологический.

Первый вид связан с искусством архитектуры драмы, режиссерским управлением диалогом, своеобразным авторским комментированием, второй мотивирован субъективно-психологическими свойствами персонажа, ситуацией и лишь в конечном итоге – общим замыслом автора. Вторым видом – это типизированно-обобщенное отражение реального речевого подтекста, в то время как первый – искусственное построение, элемент художественной структуры, возможный только в художественном целом.

Выводы. В драматургии И. Эфендиева подтекст развивается в так называемом "аллюзивном" диалоге. Диалог этот многозначителен, полон недоговоренности, словесно не выраженного, но главного смысла высказывания, острого намека на скрытые чувства и переживаний. Эмоция персонажа, погруженного в свои размышления, переживания, прикрепляется к случайным фразам: диалог с намеком, скрытым субъективным содержанием, не открытое столкновение взглядов, принципов, убеждений. Подтекст-намеки служат, как и архитектура диалогов, задаче раскрытия единой авторской идеи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храпченко М. Б. Язык художественной литературы / М. Б. Храпченко // Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1986. – 3 с.
2. Федоров А. Язык и стиль / А. Федоров. – М.-Л.: Наука, 1963. – 79 с.
3. Əfəndiyev İ. Seçilmiş əsərləri. 6 cildə, II c. / İ. Əfəndiyev. – Bakı: Yazıçı, 1984.
4. Əfəndiyev İ. Seçilmiş əsərləri. 7 cildə, III c. / İ. Əfəndiyev. – Bakı: Çinar-çap, 2002.
5. Kazımov Q. Ş. Müasir Azərbaycan dili / Q. Ş. Kazımov. – Bakı: Ünsiyyət, 2000.

REFERENCES (TRANSLATED & TRANSLITERATED)

1. Khrapchenko M. B. Yazyk khudozhestvennoy literatury [Language of Fiction] / M. B. Khrapchenko // Literaturno-teoreticheskie issledovaniia [Literary-Theoretical Studies]. – M.: Nauka, 1986. – 3 s.
2. Fedorov A. Yazyk i stil' [Language and Style] / A. Fedorov. – M.-L.: Nauka, 1963. – 79 s.
3. Əfəndiyev İ. Seçilmiş əsərləri. 6 cildə, II c. / İ. Əfəndiyev. – Bakı: Yazıçı, 1984.
4. Əfəndiyev İ. Seçilmiş əsərləri. 7 cildə, III c. / İ. Əfəndiyev. – Bakı: Çinar-çap, 2002.
5. Kazımov Q. Ş. Müasir Azərbaycan dili / Q. Ş. Kazımov. – Bakı: Ünsiyyət, 2000.

Матеріал надійшов до редакції 02.10. 2013 р.

Намазова Флора Камран кизи. Стилістичні відтінки слів в драматургії Ільяс Ефендієва.

Дослідження показує, що головна своєрідність функціональності художнього слова в драмах І. Ефендієва безкрайня і різноманітна. Автор вірно зазначає, що побудовані ним діалоги призначені не тільки для опису життя, але й для розкриття прихованих, потенційних і емоційних думок підтексту. Виявлено, що в драматургії І. Ефендієва підтекст розвивається у так званому "аллюзивному" діалозі.

Ключові слова: семантична функціональність, підтекстові значення, драматичні твори, слова.

Namazova Flora Kamran kyzy. Stylistic Shades in the Dramaturgy by Il'yas Efendiev.

The research shows that the main specificity of the functional fiction word in the dramas by I. Efendiev is boundless and different. The author truly admits that built dialogues are determined not only for the life description but for the reveal of hidden, potential and emotional subtext thoughts. It is revealed that in the dramaturgy by I. Efendiev the subtext is developing in so-called 'allusive' dialogue.

Key words: semantic functionality, subtext meanings, dramatic literary works, words.